

О.Г. Ульянов (Москва)

ИНСТИТУТ ОРУЖЕЙНИЧИХ И РАЗВИТИЕ МОСКОВСКОЙ ОРУЖЕЙНОЙ ШКОЛЫ В XVI ВЕКЕ¹

В одной из ранних работ известного исследователя отечественной истории А.А. Зимина, посвященной первоначальному этапу формирования Оружейной палаты, доминирующим фактором в учреждении нового думного чина *оружейничего* был признан рост применения огнестрельного оружия и создание отрядов пищальников². В отечественной историографии по данному вопросу утвердилось мнение ряда историков (А.Ф. Малиновский, Л.П. Яковлев, Ю.В. Арсеньев и др.)³, которые датировали возникновение Оружейной палаты и связанное с этим учреждение звания оружейничего – 1511 годом со ссылкой на «Послужной список старинных бояр и дворецких, окольных и некоторых других чинов с 6870 по 7184 год» (Шереметевский список). Иная точка зрения у Г.Л. Малицкого. Она состояла в том, что ко времени учреждения звания оружейничего сама Оружейная палата еще не была сформирована и ее начальник долгое время мог обходиться без особого звания. С таким подходом согласился А.А. Зимин, сделав обобщающий вывод, что первое упоминание в источниках под тем или иным годом каких-либо лиц дворцовой администрации вовсе не означает, что их ведомства именно тогда и были созданы⁴.

Тем не менее, руководствуясь принципом, что любой исторический факт определенным образом детерминирован, А.А. Зимин попытался связать появление чина оружейничего с реорганизацией армии и технической модернизацией вооружения, предложив более раннюю датировку – 1508 г. В новейших исследованиях учреждение вел. кн. Василием III нового дворцового чина – оружейничего, в который впервые был возведен А.М. Салтыков к сентябрю

1508 г.⁵, связывается с выделением Оружейной палаты как особого хранилища оружия из остальной Государевой казны, что совпало с завершением строительства новых дворцовых палат в Московском Кремле⁶. Возникновение подобных оружейных собраний становится характерным для династических дворов Европы именно на рубеже XV–XVI вв.

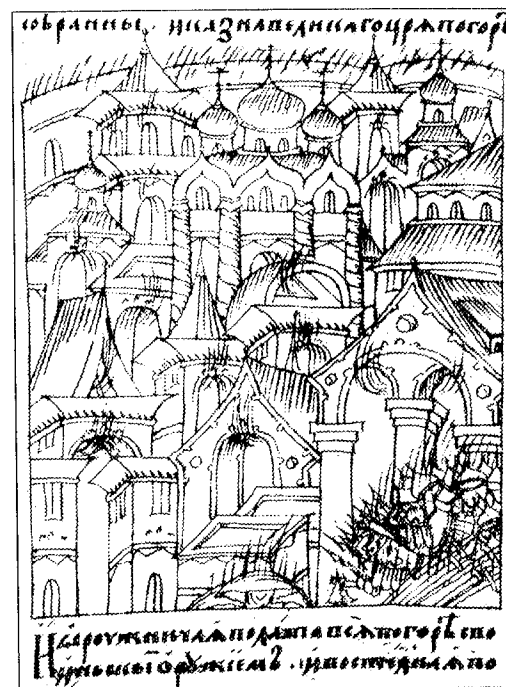
Начало строительства первого здания Оружейной палаты правомерно датировать маем 1499 г., когда после укрепления С.-З. оборонительного участка Кремля государь Иван III «велел заложить двор свой камен, палаты каменные и кирпичные, да и стену каменную от двора своего до Боровицкой стрельницы. А мастер Алевиз Фрязин от града Медиолана»⁷. Немаловажным фактором для строительства послужил пожар 28 июля 1493 г.⁸, разрушивший казну Софии Палеолог, хранившуюся отдельно от Государевой казны в церкви Рождества Иоанна Предтечи у Боровицких ворот. По всей видимости, изначально дворцовые палаты близ этой церкви (Иоанн Предтеча считался покровителем византийского императорского дома) предназначались для самой Софии Палеолог и ее Думы. Первое здание Оружейной палаты было завершено лишь к маю 1508 г., уже после кончины великой княгини Софии Палеолог 7 апреля 1503 г.

На конференции, посвященной 425-летию первого летописного упоминания Оружейной палаты, С.О. Шмидт проследил первоначальную топографию кремлевской Оружейной палаты с привлечением миниатюр Лицевого летописного свода, указав на взаимосвязь между первым, по его мнению, летописным упоминанием Оружейной палаты и событиями 1547 г.⁹ Однако недавно удалось обнаружить более раннее письменное свидетельство в «Летописце вкратце Русской земли» XVI в., где под 1537 годом сообщается, что «*князь Андрей Иванович посажен в набережной оружейничей полате*»¹⁰.

Учреждение чина оружейничего с обособлением оружейной казны произошло в бытность великокняжеским казначеем Юрия Дмитриевича Траханиота, внука византийского протовестиария Мануила Траханиота Буллотеса. В поздней Византии должность протовестиария превратилась в почетный титул, восходя генетически к ранневизантийскому чину *μνιστρος τῆς ὀφφίκιας*, ведению которого подлежали оружейные мастерские и арсенал Константинополя. В правление Василия III происходит сознательная

переориентация великокняжеской власти на традиции и обрядность византийского двора, что обусловило появление новых дворцовых чинов и структурализацию казнохранилища.

Институт оружейничих на Руси во многом унаследовал византийскую модель ведомства протовестиария, куда входили царские спафарии (сопровождение царя в походах и пошение царского оружия), во главе которых находились катепан и доместик, руководивший спафарокандидатами и спафариями с сескирами. Та же структура присуща аппарату оружейничего, в распоряжении которого были рынды и поддатни, причем во время государевых походов для каждого предмета царского вооружения назначался отдельный рында. На византийское происхождение аппарата рынд указал еще Н.И. Новиков, сославшись на сочинение «*царевны Алены Комниновой*», т.е. на «Алексиаду»¹¹. По сообщению А. Поссевино, которому была предоставлена в 1581 г. аудиенция в Кремле, московские бояре при объяснении придворного обряда с участием рынд приводили в пример «...*Мануйло, царя греческого*»¹². Именно рындам, чье звание не являлось пожалованным¹³, оружейничий конституировал на определенных условиях свои полномочия по надзору за Государевой оружейной казной. Поступление в поддатни считалось почетной привилегией отроков знатных дворянских фамилий, и в большинстве случаев

Оружейная палата во время кремлевского пожара 21 мая 1547 года. Миниатюра «Царственной книги». Ок. 1566–1567 гг. ОНИ ГИМ. Сип. 149. Л. 298

это было обязательным первым шагом к дальнейшему продвижению по службе. Колебания в численности рынд и поддатней, как нам удалось установить, связаны с пополнением состава оружейной казны. Поэтому изучение разрядов даст возможность датировать некоторые образцы парадного оружия из состава Государевой казны.

Лишь с вхождением в особое дворцовое ведомство оружейная казна царствующего дома Рюриковичей приобрела общегосударственный характер, а сама Оружейная палата получила статус главного арсенала государства Российского. Для средневекового менталитета характерно напрямую связывать существование института монаршей власти, равно как и его главного трансперсонального символа – царской сокровищницы, с исторической судьбой всей нации. В этом контексте непрерывное пополнение государственного арсенала должно было способствовать увеличению национального престижа.

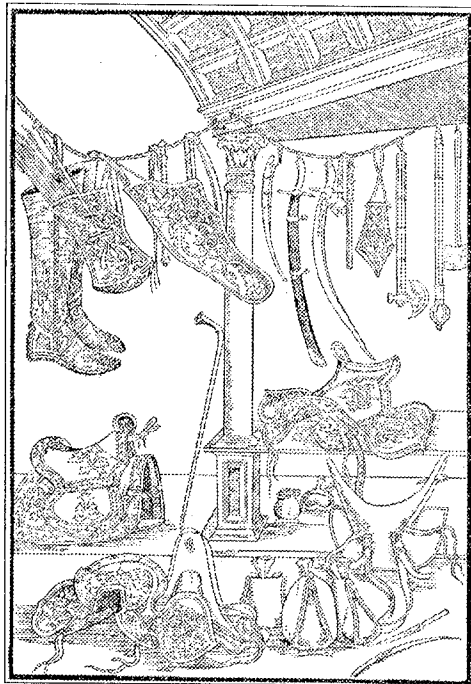
Среди тех, кто отдал все свои силы и знания становлению Оружейной палаты, приоритет по праву принадлежит оружейничим Салтыковым. Андрей Михайлович Салтыков, происходивший из старейшего боярского рода Морозовых, стал первым оружейником к сентябрю 1508 г. после неоднократного участия в Литовских походах во главе передового полка¹⁴. Уже в чине оружейного А.М. Салтыков состоял дворовым воеводой во время похода 1510 г. к Новгороду и на Смоленск в 1512 г.¹⁵ С лета 1513 г. оружейником был Никита Иванович Карпов, принадлежавший к роду князей Фоминских. В разрядах отмечено его участие во втором Смоленском походе 1513 г. и в походе на Коломну 1522 г., причем в помощниках у него («у доспеху стряпают») значились «Юшка да Василей княж Ивановы дети Щетинина»¹⁶. Кроме того, в походе 1522 г. впервые упомянуты 6 рынд и 5 поддатней, поступивших в распоряжение оружейного П.И. Карпова, а в Казанском походе 1524 г. ему были предоставлены еще 3 рынды «с нарядом» и 2 рынды «с большим нарядом», т.е. артиллерией, которая была вся поручена («у всего наряду») Михаилу Юрьевичу Захарьину¹⁷. Именно М.Ю. Захарьину как ведущему специалисту по оружейному делу адресовал свой проект организации в Москве мастерской «гусарских щитов» Иван Семёнович Пересветов, ознакомившийся подробно с устройством и вооружением гусарской конницы за время службы у венгерского короля Яна Заполи, что нашло свое отражение в известной работе

А.А. Зимина 1958 г. «И.С. Пересветов и его современники»¹⁸. Преимущество такого щита, образец которого И.С. Пересветов вывез из Литвы, состояло в том, что их «стрела из ближия цели неймет, а пицал из дальня цели неймет ружная», и в то же время они не обременяли конницу в сражении.

Благодаря умелому руководству первых оружейничих А.М. Салтыкова и П.И. Карпова Оружейная палата располагала первоклассным оружием, в т.ч. артиллерией, успехи которой сказались уже при возвращении в 1514 г. Смоленска в состав Русского государства. Особенно отличился московский пушкарь Стефан, руководивший «великим парядом пушечным и пицальным»¹⁹, хотя иностранные известия успех московского оружия под Смоленском приписали советам князя М.Д. Глинского²⁰. Уместно в этой связи указать на те приоритеты, которыми, по сообщению С. Герберштейна, руководствовался государь Василий III: «**Не орудия важны для меня, а люди, которые умеют лить их и обращаться с ними**»²¹. Тот же источник информирует об участии московской артиллерии в защите Кремля от войск казанского царя Мухаммед-Эмиша в 1521 г. В описании «огромной старой мортиры, много лет простоявшей на одном месте без дела» легко распознать «пушку великую» 1488 г. Паоло де Боссе. Такие мортиры не нуждались в специальном лафете, и при стрельбе их устанавливали под определенным углом в окопе со скошенной передней стенкой. Это воспрепятствовало в 1521 г. быстрому разворачиванию орудия у кремлевских ворот и побудило «начальника казны» (оружейничего?) «искать маленькие пушки-фальконеты (спрятанные) вдалеке от крепости»²². Данное свидетельство позволяет выдвинуть гипотезу о первоначальном расположении «Пушечной избы» внутри самого Кремля, в то время как фальконеты перепосились, видимо, с Пушечного двора за р. Пеглинной.

Неудача с использованием в 1521 г. мортиры Паоло де Боссе стала вскоре одним из побудительных мотивов к стационарному размещению аналогичных больших орудий на Красной площади возле Спасских и Никольских ворот. В целях защиты москворецких переправ мортира Кашира Ганусова, отлитая к сентябрю 1554 г., была установлена напротив Никольских ворот Кремля, а мортира «Павлин» московского мастера Степана Петрова²³ была поставлена в 1555 г. возле Покровского собора. В «Записках» С. Герберштейна обращает на себя внимание значительная осведомленность

автора в вопросе организации московской артиллерии: «Пушек, по приказу князя, отлито было множество, но не было при этом ничего, что является принадлежностью цейхаузов (пороха и железных ядер?). Все лежало взаперти, и если возникала в чем-либо нужда, приходилось готовить все в спешке»²⁴.

Интерьер Оружейной палаты.
Гравюра базельского издания
«Записок о Московии» Сигизмунда
Герберштейна. 1556 г.

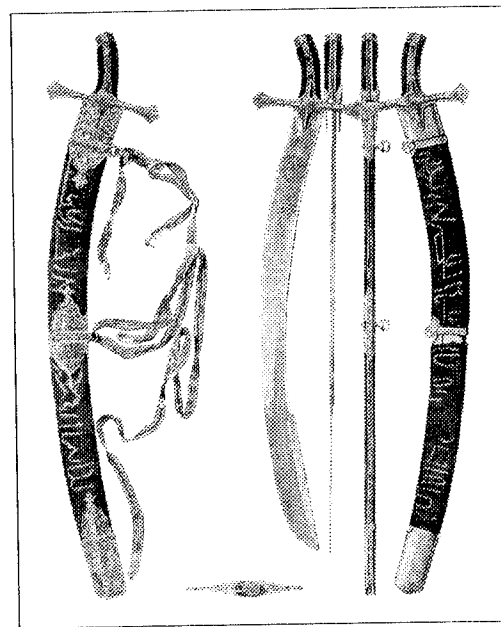
прототип этого дворцового чина, а именно *μαύστρος τῆς ὀφείας*, руководившего наряду с оружейным делом и внешней политикой Византийской империи. Одно из последних упоминаний об оружейнике Н.И. Карпове относится к июню 1531 г., когда ему было поручено «доспех... взять» у князя Д.Ф. Бельского²⁵. Это первое косвенное свидетельство о заведовании оружейничего над Государевой Оружейной казной, куда поступило «служилое» оружие опального князя. Ко времени зарождения Оружейной палаты относится

Никита Иванович Карпов, будучи оружейником, играл весьма активную роль и в дипломатических отношениях России с иностранными державами. По данным А.А. Зимина, летом 1516 г. Н.И. Карпову была поручена ответственная миссия в Казань к царю Мухаммед-Эмину, а осенью следующего года он участвовал во встрече имперского посла С. Герберштейна²⁵, который, вероятно, смог лишь благодаря такому знакомству столь детально зафиксировать русское вооружение, на чем ранее уже приходилось останавливаться. Дипломатическая функция оружейничего в очередной раз обнаруживает византийский

редачайший образец парадного оружия русской знати того времени — сабля князя Федора Ивановича Мстиславского (ГОП. Инв. № 6229 охр.), выполненная в оружейных мастерских Московского Кремля между 1526 и 1550 гг.²⁷

В январе 1537 г. при назначении Федора Ивановича Карпова, который был «не пошлой оружейничий, а после брата его Никиты», в источниках появляется точная регламентация полномочий оружейничего: «приказано ему ведати доспех и мастера»²⁸. Вновь, как и в сообщении 1531 г., под собирательным названием «доспех» была упомянута, как можно полагать, Государева оружейная казна, по уже вкупе с «мастерами», что обязательно подразумевало и существование соответствующих производственных помещений. Следовательно, к тому времени в одном месте, в «приказе» у оружейничего («оружельничей подате» — см. выше известие «Летописца вкратце Русской земли» XVI в. под 1537 г.), произошло соединение казенного хранилища оружия и дворцовых оружейных мастерских, что предопределило успешное формирование и наилучшее соблюдение высокой отечественной традиции оружейного дела.

До поступления в оружейничие Ф.И. Карпов зарекомендовал себя как главный эксперт в восточной дипломатической службе России, и это послужило весомым фактором при его назначении. О выдающихся способностях Ф.И. Карпова можно судить по отзывам Максима Грека, отзывавшегося о нем как о «премудрейшем» и

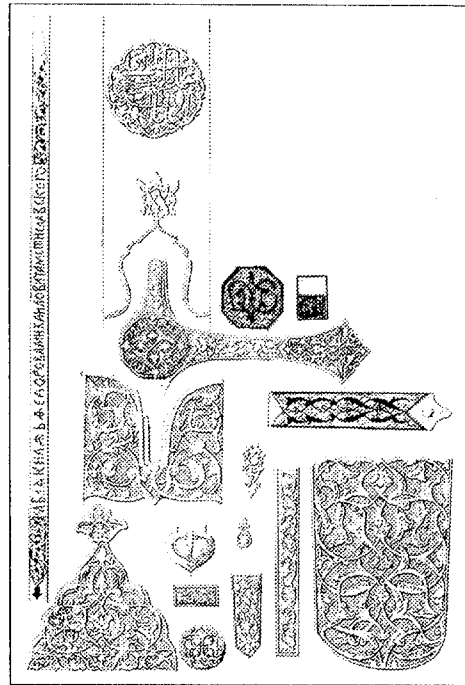
Сабля кн. Ф.М. Мстиславского.
Оружейная палата Московского Кремля.
1526–1550 гг. ГОП. Инв. № 6229 охр.

«пречестнейшем», а также князя А. Курбского, охарактеризовавшего Ф.И. Карпова как «разумного мужа». Но в чине оружейничего он пробыл совсем недолго, т.к. в 1540 г., согласно А.А. Зимину, его постигла смерть²⁹.

Кандидат на чин оружейничего обязательно должен был проявить себя квалифицированным специалистом как в ратном деле, так и в организации оружейного ремесла. Не случайно после смерти

Ф.И. Карпова Оружейную палату возглавил кн. Ю.И. Щетишиц, который долгое время «стряпалу доспеха», т.е. был помощником оружейничего (например, в упомянутом выше походе на Коломну 1522 г. при П.И. Карпове), а к 1540 г. стал воеводой в Нижнем Новгороде. В чине оружейничего Ю.И. Щетишиц принял участие в походах царя Ивана Грозного в 1547 г. на Коломну и в 1548 г. во Владимир и Нижний Новгород, когда оружейничему было придано 5 рынд во главе с князем И.Ф. Мстиславским³⁰.

С марта 1549 г. по 1564 г. в оружейничих состоял Л.А. Салтыков, сын перво-

Сабля кн. Ф.М. Мстиславского. Детали

го оружейничего А.М. Салтыкова. Придав акцент родственным связям, А.А. Зимин высказал мнение о тенденции превращения чина оружейничего в последственный³¹. На наш взгляд, в силу исторических обстоятельств, а также самой логики политического мышления, столь ответственную должность, связанную с хранением государственной тайны в оружейном деле, занимали чаще всего представители одной и той же фамилии, приближенной к главе государства Российского (Салтыковы и Карповы), к тому же оружейничий,

как было ранее отмечено, выполнял и дипломатические функции (Карповы).

В 1553 г. Л.А. Салтыков был переведен в окольные чины, а в 1561 г. вошел в состав бояр, но при этом сохранил дворцовый чин оружейничего. При Л.А. Салтыкове постепенно был увеличен аппарат рынд и поддатней: в Казанском походе 1549 г. из Нижнего Новгорода – 6 рынд и 9 поддатней, в Тульском походе 1555 г. из Коломны – 6 рынд «без мест» и 12 поддатней во главе с 1 «рындой большим», в Коломенском походе 1556 г. для защиты от татар – 8 рынд и 12 поддатней во главе с 1 большим рындой, в походе 1562 г. – 7 рынд и уже 20 поддатней³² наконец, в Полоцком походе 1563 г. – уже 13 рынд и 32 поддатня, причем впервые заслужили отдельного упоминания 4 царских рынды-телохранителя и 11 царских поддатней при них³³. Кроме роста численности своего аппарата, Л.А. Салтыков ввел такие новшества в систему управления, как 2 отдельных рынды при оружейничем (с 1556 г.), а также должность «пищального прикащика» (с 1549 г.)³⁴.

После отставки Л.А. Салтыкова в 1563/1564 гг. в чин оружейничего поступил кн. Афанасий Ивапович Вяземский, который начал свое продвижение в 1559 г. из поддатней при «рынде з большим саадаком». Именно при оружейничем А.И. Вяземском началось форсированное наращивание русского вооружения и укрепление обороноспособности Русского государства и его столицы. В 1565 г. была отлита колоссальная 117-пудовая пищаль Кашпира Ганусова, локализованная источниками на «Мстиславском дворе»; кроме того, около 300 орудий были поставлены с Московского Пушечного двора в новую вологодскую крепость. В этот же период был устроен «цейхгауз» возле Печатного двора, «очирный» дворец за Целлиной и ок. 1566 г. новый корпус Оружейной палаты в самом Кремле. Последний был завершен, вероятно, уже к сентябрю 1567 г., когда там состоялась тайная аудиенция царя Ивана Грозного с английским посланником А. Дженкинсоном, который был доставлен на эту встречу по секретному подземному ходу оружейничим А.И. Вяземским. Заслуживает внимания, что в том же новом корпусе была выделена особая Иконная палата, где проходила вся работа по созданию Царственной книги в школе «царских живописцев». Функционирование различных дворцовых ремесел обеспечила Водовзводная (наугольная) палата, расположенная в этом корпусе, неподалеку от Колымажных ворот³⁵.

При А.И. Вяземском численность аппарата оружейничего несколько сокращается, но в 1567 г. была предпринята попытка ввести должность подрывд: в Литовском походе 1567 г. участвовало 8 рынд, 2 поддатня и 21 подрывда, в том числе 8 подрывд следовали за царевичем³⁶. Однако такое нововведение привилось не сразу, например, при кн. И.Д. Теввекелеве, поставленном в оружейничество после казни А.И. Вяземского в 1570 г., подрывды не упоминались.

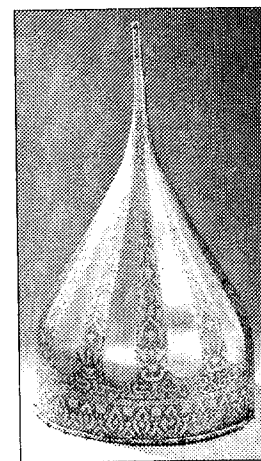
До поступления в оружейничество И.Д. Теввекелев, как и Ю.И. Щетинин, «*ходил с шоломом и доспехом*», как указано у А.А. Зимина³⁷. В разрядах проскальзывает известие, что некоторое время после смерти А.И. Вяземского функции оружейничего выполнял В.Л. Салтыков.

В походах 1570 г. численность рынд при царе Иване Грозном колебалась от 5 до 7, а поддатней от 18 до 23, в то время как у царевича было неизменно 4 рынды, но число поддатней увеличилось от 12 до 14 человек. Подобные колебания, как было сказано выше, очевидно, связаны с пополнением состава Государевой оружейной казны, благодаря чему имеется возможность датировать с помощью данных разрядов некоторые образцы парадного оружия, входившего в походную Государеву казну. С момента первого упоминания в разрядах за 1522 г. рынд в количестве 6 человек эту казну составляли «*большой саадак, большое котье, рогатина, другой саадак, другое котье, третий саадак*», причем в разрядах 1556 г. «*другой саадак*» назван «*писаным*», а «*третий или меньший*» — «*пахтермянным*». Вероятно, «*большим саадаком*» или саадаком «*большого наряда*», не зафиксированным в описях Оружейной палаты XVII в., являлся «*саадак кован золотом по пахтерме, пряжи и наконечники и банди золоты резаны с чернью, весу 3 гривенки, цена 90 рублей*», который проходил в «*Отчетах расходов царской казны, после разгрома Москвы поляками, 1611–1612 гг.*» по статье «*Дано с Казенного двора*»³⁸. «*Писаннойю*» именовали всякую вещь, выполненную чеканкой или резьбой по серебру, но ограниченность сведений не позволяет в точности атрибутировать «*писаный*» саадак³⁹. «*Пахтермянный*» же или кожаный саадак оказался записанным в описи 1746 г. «*вместе с другими пятью парами лубьев саадачных, которые от долголетнего лежания погнили*» среди «*оружейных и прочих вещей, писанных в черновых тетратех*»⁴⁰.

В 1562 г. в походной Государевой оружейной казне впервые появились пицали и топоры. Почти синхронно 4 рынды, каждый из

которых «*на плече нес красивый большой топор, блестящий серебром и золотом*», были отмечены в 1564 г. Р. Барберини в придворном церемониале у царя Ивана Грозного. Следовательно, создание первых «*посольских*» топоров можно датировать началом 60-х гг. XVI в. В 1561 г. царь Иван IV женился на княжне Кученей (Марии), дочери кабардинского князя Темир Гуки, советам которой подчас приписывается учреждение личной царской стражи пашодбие телохранителей горских князей. Как бы то ни было, именно пятигорские «*черкесы*», прибывшие в то время в Москву, славились художественным оружием из дамасской стали и в основном собрания Оружейной палаты. Примечательно, что в «*Скифской истории*» 1692 г. А.И. Лызлова возникновение придворного церемониала связано с посольством крымского хана Девлет-Гирея в 1572 г., когда «*завяжутся обычай, яко во время бытия послов иноземских пред лицом царским начата поставляти знаменитых четырех мужей, которых рындами называют, со облаженным оружием: прежде с топорами, а потом недавних перемен начата поставляти таковых мужей с мечами облаженными, соблюдения ради царского здравия и на страх послов, приступающих к целованию руки самодержца*»⁴¹.

В разрядах 1567 г. указано на вхождение в состав Государевой оружейной казны сулицы и «*знаменного*» конья, а в 1570 г. самопалов и шелома⁴². О дальнейшей их судьбе вкратце сообщают указанные выше «*Отчеты расходов царской казны*» за 1611–1612 гг., где зафиксировано, что с Казенного двора «*немцем дано из оружейных рухляди за рогатину да за 2 самопала 10 рублей, да 6 самопалов 50 рублей*»⁴³. Печальной участи разорения подверглось в большинстве своем все особо ценное оружие «*большого наряда*», хранившееся на Казенном дворе. Среди прочих был похищен и знаменитый шлем Ивана Грозного. Судя по шведским источникам, в королевский арсенал в Стокгольме он попал в 1655 г. из Варшавы⁴⁴. Подпись на самом шлеме, нанесенная золотом по венцу («*Шолом князя Ивана Васильевича великого*

Шлем царя Ивана IV Грозного. 1540-е гг. LivrustKammaren. T 6926

князя сына *Василия Ивановича господаря всея Руси самодержца*»), позволяя датировать его изготовление до принятия Иваном Грозным царского титула в 1547 г. В архиве переписки царя Ивана Грозного со Стефаном Баторием сохранились сведения, что царь был большой охотник *«до шапок хороших железных с лаводом»*⁴⁵.

В ходе Ливонской войны возрастает значение ведомства оружейничего, обеспечивавшего форсированное наращивание русского вооружения и укрепление обороноспособности Русского государства. При оружейничем И.Д. Тевекелеве вошло в употребление наименование Бронного приказа, впервые зафиксированное в списке под заглавием *«Лета 7081-го марта в 20 день государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси поместил боярам и околичим и дьяком и дворяном и приказным людем свое жалование по окладу»*, который ввел в научный оборот Д.Н. Альшиц. Благодаря этому архивному документу «о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 г.» исследователю удалось не только установить точную численность одного из ведущих приказов опричного двора – Бронного, но и впервые открыть неизвестные имена ведущих оружейников Москвы, их оклад согласно квалификации и разнообразную специализацию. Для нашей темы особую ценность представляет аргументированный вывод автора, что производство Бронного приказа явно превышало потребности как Государева двора, так и опричного войска из 664 чел. и, следовательно, способно было удовлетворить заказы на ремонт и подплевание оружия всей опричнины, включая служилых из опричных земель и городов⁴⁶. Бронным приказом численностью в 115 чел. управляли *«Угрим да Десятой Непоставовы»*. По всей видимости, они являлись землевладельцами, т.к. получали лишь денежное пожалование (50 и 20 рублей соответственно) без выдачи корма, которым наделялись приказные люди, не способные прокормиться со своего хозяйства.

К последней четверти XVI в. относятся первые свидетельства об организующей роли Оружейной палаты Москвы в налаживании производственной деятельности остальных оружейных центров России. В числе ружей, поступивших в 1830 г. в Оружейную палату из арсенала Троице-Сергиевой лавры, П.В. Гордеев обнаружил присланный из Москвы образцовый ствол работы московских самональных мастеров⁴⁷. На верхней средней грани в казенной части этого ствола (1151 ОП) имеется клеймо в виде двуглавого орла,

без короны, с опущенными крыльями. Около 150 стволов из основного собрания Оружейной палаты помечены таким клеймом, озаглавившим государственное испытание ствола усиленным зарядом пороха. Деятельное участие крупнейших русских монастырей в оружейном производстве под эгидой Москвы подтверждает грамота царя Ивана Грозного 1582 г. в Кирилло-Белозерский монастырь, которому надлежало собственными силами сделать *«доброй емчиу»* (селитры) для Пушечного приказа (с 1610 г. Пушкарского), впервые упомянутого в источниках под 1577 г.⁴⁸ Ранее – в 1545 и 1555 гг. подобные указы были адресованы повгородским оружейникам, к которым были посланы из Москвы мастера ямчужные (селитряные) и пицальники *«указывать им, как варить зелье»*, а также пушкарки с московскими кружалами, по образцу коих повгородские кузнецы должны были сделать 600 ядер железных круглых и гладких, *«как им укажут пушкарки»*⁴⁹. Наконец в 1595 г. была образована тульская казенная слобода самональных мастеров, выполнявших непосредственные заказы Оружейной палаты⁵⁰.

Создание Бронного и Пушечного приказов закрепило за Москвой функции ведущего центра оружейного производства в России. На предметах вооружения XVI в. все чаще стали помещаться надписи, указывающие на московскую школу оружейного дела, как, например, на панице из собрания Эрмитажа (ГЭ. Л. 65) у разреза ворота на 15 плоских кольцах выбиты слова *«Зделан на Москве»*. Поступательное развитие московской оружейной школы было обеспечено своевременным сложением и полноценным формированием института оружейничих, основанном на традициях преемственности. Византийская должность протовестиария, повлиявшая на учреждение чина оружейничего в России, вновь попала в центр внимания уже при царе Феодоре Алексеевиче во время разработки *«Проекта устава о служебном старшинстве бояр»*.

⁴⁵ Впервые основные положения работы были изложены в целом ряде публикаций автора: Ульянов О.Г. Некоторые аспекты определения образца в русском художественном оружии XVI–XVII вв. К постановке проблемы // Материалы научной конференции ЛОИА АН СССР «Восточная Европа: древности римского времени и средневековья». Л., 1987; Ульянов О.Г. К вопросу об определении образца холодного оружия XVII в. (на примере 2-х сабель из коллекции

- ГММК) // Материалы всесоюзного научно-практического семинара «Новое в оружейоведении (атрибуция, систематизация, экспонирование)». М., 1988; Ульянов О.Г. О работе по «образцу» в Московской школе художественного оружия // Материалы научной конференции ЦМиАР. М., 1988; Ульянов О.Г. К проблеме работы «по образцу» в московской школе художественного оружия XVI–XVII вв. // Советская археология. № 4. М., 1990. С. 92–105 и др. Научные выводы автора получали высокую оценку на предзащите его кандидатской диссертации «Московская художественная школа оружейного дела XVII в.» на заседании Отдела славяно-русской археологии ИА РАН 10.02.1994 г. К сожалению, авторские материалы были позднее использованы в работах А.К. Левыкина и Л.А. Беляева без указания источника.
- ² Зимин А.А. К истории военных реформ 50 гг. XVI в. // Исторические записки. Т. 55. М., 1956. С. 188.
- ³ Ульянов О.Г. Оружейная школа средневековой Москвы в отечественной историографии XIX в. // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. М., 2010. С. 375–378.
- ⁴ Зимин А.А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI веков // Исторические записки. Т. 63. М., 1958. С. 183.
- ⁵ РИО. Т. 95. С. 17; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 44.
- ⁶ Ульянов О.Г. О времени возникновения Оружейной палаты Московского кремля // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания. М., 2009. С. 338–339.
- ⁷ ПСРЛ. Т. XII. С. 249.
- ⁸ ПСРЛ. Т. XXIV. С. 239–240.
- ⁹ Шмидт С.О. Первое упоминание об Оружейной палате и миниатюры Царственной книги // Материалы и исследования ГММК. М., 1976. С. 5.
- ¹⁰ ОПИ ГИМ. Син. собр. № 939. Л. 102об.
- ¹¹ Историческое известие об упомянутых старинных чинах в России: Подготовил П.И. Новиков // Древняя Российская Вивлиофика. Ч. XX. М., 1791. С. 222–224.
- ¹² Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 10. СПб., 1870. С. 224: «из давних лет во всех государствах ведется... оружейники около государей стоят, то государей чин да и гроза».
- ¹³ Яковлев А.П. История Московской Оружейной палаты с ее основания до нашего времени (рукопись) // АМК. Ф. 1. Д. 73. Л. 4.
- ¹⁴ Сб. РИО. Т. 95. С. 17; Разрядная книга 1475–1598. М., 1966. С. 44.
- ¹⁵ Древнейшая разрядная книга. Изд. П.Н. Милюков. М., 1901. С. 44, 49.
- ¹⁶ Там же. С. 52, 73.
- ¹⁷ Там же. С. 75.
- ¹⁸ Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 325–329.
- ¹⁹ ПСРЛ. Т. VIII. С. 255.
- ²⁰ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. Т. 5. М., 1988–1991. С. 237–238.
- ²¹ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988. С. 172.
- ²² Там же. С. 116, 172.
- ²³ Ист. арх. ВИМАИВС. Ф. 1. № 21. Л. 2.
- ²⁴ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. С. 173.
- ²⁵ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... М., 1988. С. 266.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 146. Ед. хр. 5.

- ²⁷ Ульянов О.Г. К проблеме работы «по образцу» в московской школе художественного оружия XVI–XVII вв. // Советская археология. № 4. М., 1990. С. 103.
- ²⁸ Сб. РИО. Т. 59. СПб., 1887. № 6. С. 65.
- ²⁹ Зимин А.А. С. 265.
- ³⁰ Древнейшая разрядная книга. С. 124, 126.
- ³¹ Зимин А.А. К истории военных реформ 50 гг. XVI в. С. 201.
- ³² Древняя Российская Вивлиофика. Ч. XIII. М., 1790. С. 254–255, 331–333.
- ³³ Древнейшая разрядная книга. С. 138, 173, 180–182, 234–236.
- ³⁴ Сб. РИО. Т. 59. С. 266.
- ³⁵ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. М., 1990. С. 107.
- ³⁶ Древняя Российская Вивлиофика. С. 390–393.
- ³⁷ Зимин А.А. К истории военных реформ... С. 200.
- ³⁸ РИБ. Т. 2. СПб., 1875. № 95. С. 234.
- ³⁹ Николаева Т.В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976. С. 241.
- ⁴⁰ Опись Оружейной палаты: В 7 ч. Ч. IV. Кн. 3. М., 1885. С. 333–334; Оправа этого белого кожаного саадака (6349 ОП) серебряная резная, местами позолоченная, с чернью.
- ⁴¹ Лызлов Андрей. Скифская история. М., 1990. С. 147.
- ⁴² Древняя Российская Вивлиофика. С. 391–392, 417, 427.
- ⁴³ РИБ. Т. 2. С. 236.
- ⁴⁴ Sandstedt F. Schischak-szysak-Zischagge. Analys av attä hjalmar av orientalisk typ i LivrustKammaren // LivrustKammaren. Stockholm, 1985. Vol. 17. Nr. 1. S. 14.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 79. Кн. 14. Л. 637–638.
- ⁴⁶ Альшин Д.П. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного // Исторический архив. Т. IV. М., 1949. С. 14.
- ⁴⁷ Гордеев В.Н. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII в. // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 9.
- ⁴⁸ Акты Московского государства. Т. 1. М., 1890. С. 39.
- ⁴⁹ ДАИ. Г. № 72.
- ⁵⁰ Колчин Б.А. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. // МИА СССР. № 12. М., 1949. С. 201.